

— Чжоу-цзы, ну что ты решил?

— Мин-аму всё разузнал: семья там порядочная, живут в достатке. Муж с супругом за десять лет брака так и не обзавелись детьми. Они готовы взять Пятого и Шестого вместе и обещают любить их как родных. Если бы это было не так, я бы и слова тебе не сказал. Чжоу-цзы, ты сам-то что думаешь?

— Чжоу-цзы, посмотри на ситуацию трезво. Тебе сейчас двоих младших просто не прокормить. Лу-гэр до сих пор в горячке лежит, да и сам ты еще мал. Если о себе не думаешь, так хоть о братьях позаботься.

— И то верно, и то верно...

В просторном зале деревенского гэра собралось несколько мужчин. Они обступили двенадцатилетнего подростка, наперебой давая советы.

Мальчик молча слушал их наставления. Он лишь поднял правую руку и, сжав кулаки, начал медленно растирать виски указательным пальцем.

Голова раскалывалась!

Два потока воспоминаний переплелись в одно целое: в одном — яркая, неоновая современная жизнь, в другом — простая, пропахшая книжной пылью старина. Если бы не выдержка, Е Цзюньшу прямо сейчас схватился бы за голову и закричал от бессилия.

А тут еще старшие без умолку твердят, что он должен отдать двоих самых маленьких братьев в другую семью.

— ...Для Пятого и Шестого это лучший шанс на будущее. Чжоу-цзы, тебе всего двенадцать, ты сам еще ребенок, как ты собираешься поднимать столько братьев? Тебе же еще к экзаменам готовиться, Мин-аму только добра вам желает.

Мужчина, назвавшийся Мин-аму, видя, что парень молчит, тяжело вздохнул. Ему и самому было не по себе: будь его воля, он бы ни за что не стал разлучать семью. Но в деревне почти все жили впроголодь, и прокормить лишних детей было непосильной задачей. Даже при всем желании помочь, много ли дашь?

Если уж в семьях, где есть взрослые работники, едва сводят концы с концами, что говорить о доме Чжоу-цзы, где не осталось ни одного взрослого?

Только Мин-аму собрался продолжить уговоры, как из внутренней комнаты выбежал ребенок лет пяти-шести и с разбегу вцепился в ноги подростка.

— Старший брат! Не отдавай Пятого и Шестого! — раздался хриплый детский голосок, прерывающийся от плача.

— Ох, Лу-гэр, ты зачем вылез? Ты же еще не выздоровел, живо в кровать! — Мин-аму всплеснул руками и попытался подхватить ребенка, чтобы отнести обратно.

Но малыш намертво вцепился в брата. Он задрал голову, являя миру бледное, осунувшееся от болезни личико. Его яркие, как звезды, глаза были полны слез, а в отчаянном крике «Брат... брат...» слышалась и мольба, и страх, и бесконечное доверие.

— Брат, не отдавай их!

Откуда ни возьмись выскочил мальчик постарше и тоже обхватил Е Цзюньшу за ноги. От неожиданности тот пошатнулся и едва удержал равновесие.

Следом, перебирая короткими ножками, прибежал трехлетний карапуз. Он протиснулся между остальными и своим тонким голоском заладил:

— Не отдавай! Не отдавай!

— Брат, я обещаю, я буду есть совсем по чуть-чуть, а всё остальное отдам Пятому и Шестому! Мы вместе их вырастим... ладно? — старший из мальчишек уже рыдал в три ручья.

— И я тоже, брат...

— Отдам братикам!

— У-у-у... Брат...

— А-а-а-а!..

В зале поднялся невероятный шум. Трое «маленьких репок» окружили подростка и завывали в унисон.

— Ну как же так... — взрослые оторопели и бросились утешать детей.

— Ох, маленькие мои, ну не плачьте! У Мин-аму сердце кровью обливается. Ну всё, тихо, тихо...

— Мин-аму попытался обнять самого младшего.

Но малыш вывернулся, не давая себя трогать, и принялся махать кулачками:

— Плохой! Ты плохой!

Начался настоящий хаос.

Е Цзюньшу ласково погладил троих сорванцов по головам и тихо произнес:

— Всё, тише. Брат обещает вам, что никого не отдаст.

Как только он это сказал, громкий рев мгновенно стих, сменившись лишь тихими всхлипами.

— Правда? — три заплаканных личика поднялись на него. В темных глазах-бусинках светилось абсолютное доверие.

Взгляд Е Цзюньшу стал еще мягче:

— Вы должны верить своему брату.

Затем он поднял голову и, посмотрев на старейшин, горько усмехнулся:

— Дяди, аму, вы и сами всё видите. Ничего не выйдет. В любом случае, спасибо вам за заботу.

Понимая, что разговор закончен, Мин-аму оставалось только добавить:

— Ну, тогда мы пойдем. Присмотри за ними: после слез надо приложить теплое полотенце к

глазам, и следы, чтобы их не продуло.

— Я всё сделаю, спасибо, Мин-аму.

— У Лу-гэра жар не спал, я сейчас позову лекаря Суна, пусть еще раз осмотрит детей.

— Простите за беспокойство.

— Ну что ты, Чжоу-цзы, вечно ты так официально, — Мин-аму похлопал парня по плечу. Всё-таки грамотный человек — это сразу видно. Жаль только, если с такой бедой в семье ему придется бросить учебу. А ведь учитель хвалил его, говорил, что у парня талант и он точно сдаст экзамены!

С этими грустными мыслями Мин-аму позвал остальных, и они ушли.

Е Цзюньшу хотел проводить гостей, но на каждой ноге у него «висело» по ребенку. Двигаться с таким «грузом» было почти невозможно.

Мужчины, заметив это, не сдержали улыбок и махнули рукой, мол, не провожай. Они сами вышли со двора и прикрыли за собой ворота.

В зале остались только подросток и трое детей.

Е Цзюньшу наклонился, поднял Лу-гэра на руки и сказал мальчику постарше:

— Сяо Шань, отведи Цинь-гэра в комнату.

— Слушаюсь, брат, — Сяо Шань расплылся в улыбке. Он вытер лицо рукавом, отпустил Е Цзюньшу и, взяв четырехлетнего Цинь-гэра за руку, послушно зашагал следом за старшим.

Е Цзюньшу занес Лу-гэра в комнату и уложил на кровать, плотно укутав одеялом так, что снаружи осталось только бледное личико.

— Брат...

— Я здесь, — Е Цзюньшу подоткнул края одеяла и коснулся прохладной щеки мальчика, нахмурившись. — Отдыхай, я скоро вернусь.

— Угу, — Лу-гэр перевел взгляд с брата на маленьких Сяо Шаня и Цинь-гэра и удовлетворенно улыбнулся.

Е Цзюньшу еще раз с тревогой посмотрел на больного и, подхватив на руки Цинь-гэра, повел младших в сторону кухни, путь к которой всплыл в его памяти.

На земляной печи в большом котле еще грелась вода. Е Цзюньшу зачерпнул пару ковшей в деревянный таз, достал чистое полотенце и, смочив его, тщательно вытер лица и руки Сяо Шаню и Цинь-гэру. Затем он сменил воду, прополоскал полотенце и понес таз в дом.

— Сяо Шань, отведи Цинь-гэра в комнату к Пятому и Шестому, — скомандовал он. У малышек слабый иммунитет, им не стоит лишний раз контактировать с лихорадящим Лу-гэром, чтобы не подхватить заразу.

— Хорошо, брат, — Сяо Шань послушно увел младшего в соседнюю комнату.

Когда Е Цзюньшу вошел в спальню, Лу-гэр, услышав шум, широко открыл глаза:

— Брат...

— Не двигайся, — шепотом осадил его Е Цзюньшу, видя, что тот пытается приподняться. Он поставил таз, отжал полотенце и бережно обтер лицо, руки и шею мальчика.

— Брат, ты ведь правда не отдашь Пятого и Шестого? — шмыгнув носом, Лу-гэр жалобно уставился на него своими блестящими от слез глазами.

— Нет, не отдам, — мягко ответил Е Цзюньшу.

— Правда-правда?

— Разве я тебя когда-нибудь обманывал? — Он на мгновение запнулся и добавил: — Они ведь и мои братья тоже, я их никому не отдам.

Кто в здравом уме отдаст родную кровь, если есть хоть малейшая надежда выжить?

— Ну всё, спи спокойно, — он поправил одеяло, дал мальчику немного теплой воды и дождался, пока тот уснет.

Лу-гэр из-за болезни сильно осунулся; его лицо было белым как бумага, а губы совсем обескровлены. Глядя на него, у Е Цзюньшу сердце обливалось кровью — такая кроха, а уже столько страданий. Ему до боли хотелось забрать всю эту боль себе.

Убедившись, что Лу-гэр крепко спит, Е Цзюньшу тихо вышел и заглянул в соседнюю комнату.

Там Сяо Шань и Цинь-гэр тихонько играли с деревянной лошадкой. Игрушка была уже изрядно потертой — в памяти Е Цзюньшу всплыло, что отец купил её для Сяо Шаня несколько лет назад.

Завидев брата, Сяо Шань тут же подскочил к нему:

— Брат!

Е Цзюньшу потрепал его по макушке, перехватил покачивающегося Цинь-гэра, который с разбегу уткнулся ему в ноги, и поднял его на руки. Он прошел вглубь комнаты к кану, где под маленьким одеялом спали двое близнецов. Им не было еще и года, и во сне их щеки разругались.

Спят без задних ног, даже не подозревая, что их едва не отдали в чужие руки.

Е Цзюньшу осторожно коснулся подушечкой пальца нежной детской щеки. Ну как можно отдать таких малюток?

То ли он их потревожил, то ли время пришло, но один из малышей нахмурил мягкие бровки и, даже не открывая глаз, залился плачем. Секундой позже его поддержал и второй близнец.

— Ой-ой, тише, маленькие, не плачьте... — в легкой панике Е Цзюньшу подхватил одного из них, неловко пытаясь укачать.

— Брат, они проголодались! — Сяо Шань быстро сбежал за большой миской с густой белой кашцей.

Е Цзюньшу присел на край кана, проверил температуру каши и стал кормить: ложечку тому, кто на руках, ложечку тому, кого держал Сяо Шань. Когда животы у малышей округлились, миска как раз опустела.

Сытые близнецы окончательно проснулись. В объятиях старших братьев они бодро махали ручками-ножками и беззубо улыбались.

Е Цзюньшу взял Пятого за пухлые ладошки и поставил его на свои колени, давая попрыгать и размять ножки. Чистый, звонкий детский смех был настолько заразительным, что Е Цзюньшу и сам не заметил, как заулыбался.

Сяо Шань был еще маловат, чтобы так играть с Шестым, поэтому он просто уложил его на кан, позволяя ползать. Туда же он подсадил и Цинь-гэра, внимательно следя, чтобы мелкий не дополз до края.

Цинь-гэр послушно сидел рядом с Е Цзюньшу, во все глаза глядя на возню старшего брата с малышами, и тоже глуповато, но счастливо улыбался.

В одно мгновение весь дом наполнился радостным смехом.

От переводчика: Дорогие читатели, надеюсь, вам понравится эта история! Я внимательно вычитываю текст, но если где-то проскользнула досадная ошибка («глаз иногда замыливается») — не стесняйтесь на неё указать. Это поможет сделать перевод лучше для всех. Приятного чтения!

<http://bllate.org/book/15226/1343710>